

Глава 1

— А ну, навались, ребята! Навались! Еще немного! — громко, заглушая всех, кто был рядом, кричал ездовой, из последних сил натягивая поводья, от чего лошади в передней упряжке вытягивали вперед свои морды, моментально скрывавшиеся в клубах особенно заметного на морозе густого пара.

Два десятка красноармейцев, у каждого за спиной вещмешок и винтовка, сбившись в кучу и шатаясь от усталости после длительного ночного перехода, толкали просевшее на одно колесо орудие.

— Еще, ребяташки, еще! Навались, навались, родные! — снова гремел басом ездовой, то и дело пропадая в облаке пара.

— Так! Теперь по счету! — поддержал его офицер в комсоставской шинели, высоко опоясанной ремнями, с командирской кожаной сумкой на боку.

Он отделился от толпы, возившейся возле застрявшего орудия, прыгнул через бугор на обочину дороги и, оценив ситуацию со сто-

роны, поднял вверх правую руку. Набрав побольше воздуха, офицер начал громко считать, каждый раз резко опуская руку в такт своим выкрикам:

— Уперлись все вместе! И раз! И раз! И раз!

Солдаты, привыкшие к дружной работе, слушали командный голос и, повинаясь рабочему ритму, дружно толкали друг друга в спины. Задние нажимали на передних, те в свою очередь упирались в станину, в ободья колес, в щиток и тело откатника, заставляя сцепку раскачиваться взад-вперед с каждым разом все сильнее и сильнее. Наконец под очередной выкрик командира солдаты вытолкнули орудие на дорогу и стали проталкивать его еще дальше, чтобы оно снова не сползло в глубокую колею.

— Фу-у-у! — громко протянул кто-то в солдатской массе.

— Пятый раз уже! Куда этот конюх там смотрит? Спит, что ли? — громко, так чтобы слышно было далеко впереди, проговорил один из красноармейцев, вытирая суконной рукавицей пот со лба.

— А ты сам попробуй! А то много вас тут умных таких! — ответил второй коновод, защищая первого, который, наверстывая упущенный темп, уже ушел далеко вперед.

Он тянул за собой поводья длинной, из шести лошадей, упряжки, завершавшейся одноосным артиллерийским передком и обмотан-

ным белой тканью телом гаубицы. Следом шли три десятка солдат орудийной прислуги и отделение разведчиков, выполняющих роль охраны и одновременно арьергарда дивизиона.

— А тут и пробовать нечего! — отозвался сержант, хмурясь на озлобившегося коновода.

— Отставить! — перебил его, внезапно появившись, тот самый командир, который руководил работой по спасению застрявшего в снегу орудия.

Его появление на некоторое время вернуло дисциплину в колонну красноармейцев. Повисшая над ней тишина прерывалась только кашлем и тяжелым дыханием идущих.

— Подтяни-и-сь! — протянул командир, на ходу оглядываясь на подчиненных. — Не отставать! Держать темп!

Солдаты послушно кинулись сокращать дистанцию. Отставшие, насколько позволяли силы, переходили на легкий бег, стараясь догнать ушедших вперед товарищей. Колонна на глазах становилась короче, начинала двигаться в такт, монотонно раскачиваясь. Так продолжалось минут пять-десять. Потом дистанция между идущими снова увеличивалась, задние опять отставали — колонна вытягивалась, слышалось недовольное бормотание.

Суровый с виду молодой командир опять выходил из строя, оборачивался назад и снова кричал на левый фланг колонны:

— Подтянись! Не растягиваться! Не отставать!

Задние снова начинали послушно догонять передних, на ходу поправляя порядком надоевшие вещмешки, винтовки, подсумки, противогазы и каски.

— Сколько мы уже прошли, товарищ лейтенант? — обратился к командиру тот самый сержант, что пытался вступить в перепалку с коноводом.

Это не было простым любопытством. Солдаты и без того знали, что позади уже несколько десятков километров. Просто сержант решил взбодриться, а для этого попытался втянуть в разговор идущего рядом лейтенанта.

Тот тяжело вздохнул:

— Точно вам не скажу. Но, думаю, не менее сорока километров от пункта выхода. — Он привычно обернулся, чтобы проверить, не растянулась ли колонна, потом бросил короткий взгляд на собеседника и задумчиво уставился себе под ноги. — А сколько еще впереди, я и сам не знаю. Только конца нашему пути пока не видно.

— Что там, Егор? — крикнул сержант, обращаясь к одному из идущих впереди солдат своего отделения: тот вдруг начал вертеть головой из стороны в сторону. Дорога к этому времени стала плавно отклоняться вправо, в направлении пологой возвышенности, покрытой зимним лесом.

— Не пойму, товарищ сержант, — ответил тот, не поворачиваясь. — Почему мы от маршрута отклоняемся? Линия фронта от нас — на юг и на запад. А мы на север повернули, а в тех местах либо крюк большой делать придется, либо нас куда-то еще ведут.

— Это откуда такой осведомленный? — дернул плечами лейтенант, вытягивая от удивления лицо и пристально глядя на сержанта.

— Не удивляйтесь, товарищ лейтенант. Это Шукин! Он местный, из этого района. Его родная деревня где-то тут, совсем рядом. Он все окрестности знает, все дороги. Потому и ориентируется хорошо.

Лейтенант возразил незамедлительно:

— Даже я, командир огневого взвода, не знаю места назначения! Командир батареи не знает! А этот — знает! Вот дела! Простой солдат осведомлен о маршруте лучше, чем все воинские начальники, вплоть до комбата.

— Да не знает он ничего, товарищ лейтенант! — заулыбался в ответ сержант. — Я ж вам говорю — местный он. Всю жизнь здесь прожил. Все пути-дорожки с детства знает. С ним даже начальник штаба полка советовался и маршрут согласовывал.

Последние слова были сказаны таким тоном, что все отделение разведчиков дружно засмеялись, а виновник разговора обернулся на сержанта и благодарно ему улыбнулся.

Оценив солдатский юмор, лейтенант решил поддержать командира отделения разведчиков и тем самым скрасить обстановку тяжело-го марша, изрядно измотавшего людей.

— Впервые слышу, чтобы начальник штаба целого артиллерийского полка держал совет с простым красноармейцем и обсуждал с ним маршрут следования, — произнес он и привычно бросил взгляд назад, чтобы оценить состояние колонны.

Вопреки его ожиданиям замыкавшие строй солдаты, уловив нотки юмора, стали сами подтягиваться вперед, чтобы не пропустить что-нибудь интересное и тем самым отвлечься от усталости и изнеможения, приободриться и немного повеселиться.

— А как не держать, товарищ лейтенант. — Сержант поправил на плече ремень автомата и сдвинул на затылок шапку.

Последний жест сказал всем разведчикам о начале небольшого словесного представления, которые тот любил устраивать, когда для этого было подходящее время. Строй моментально сократился. Бойцы сбились возле своего командира и подняли головы, ожидая новых порций смеха.

— Вы сами посудите, — продолжил сержант, — впереди парикмахерские всякие, кинотеатры. А товарищ капитан — мужчина видный. Ему и в кино побывать хочется, и по-

бриться начисто. А то все служба и служба. Вот он и вызвал к себе Щукина, чтобы тот ему все подробности поведал.

По колонне прокатилось легкое одобрителное покашливание улыбающихся разведчиков.

— Солдатский юмор — это хорошо! — серьезным тоном ответил лейтенант. — И хорошо, что вы, товарищ сержант, это понимаете.

Командир отделения мгновенно выпрямил спину и вытянул лицо, ощутив свою ошибку в выборе времени и места для шуток. Не зная характера и чувств идущего рядом человека выше его по званию, он понял, что где-то допустил оплошность. Тема для юмора оказалась не очень подходящей. Выражение глаз лейтенанта выдало его негативную реакцию. Что-то сильно резануло по сердцу молодого человека, о чем не мог ведать сержант. Не мог заглянуть в уголки души, где была разлита глубокая скорбь по утраченным родным, сгинувшим где-то на оккупированной врагом территории — его родительский дом стоял как раз недалеко от городского кинотеатра, да еще и возле парикмахерской. Но об этом тот промолчал, решив не обнажать свою печаль кому-либо.

— Товарищ лейтенант! — послышался впереди голос красноармейца Щукина, решившего немедленно вмешаться в разговор.

Командира огневого взвода он быстрее всех определил как довольно строгого и принципиального. И хоть тот и был на вид ровесником Егора, но статус и положение, помноженные на выправку, обретенную во время прохождения ускоренного курса подготовки в военном училище, обязывали лейтенанта поддерживать дисциплину и строгий порядок в вверенном ему подразделении. Не успев набраться достаточного опыта, тот старался казаться жестким, для чего постоянно громко и напоказ выкрикивал команды очень низким, не свойственным ему голосом. С солдатами он был излишне строгим, всячески подчеркивая свое положение, что у него вполне получалось. Только в случае с командиром отделения разведчиков возникли трудности. Произошло легкое столкновение молодости и неопытности лейтенанта с естественной прямоотой простого солдата, за время пребывания на фронте прошедшего немало по-настоящему смертельных испытаний.

— Товарищ лейтенант! — снова повторил Егор. — Меня действительно вызывал к себе начальник штаба полка. Спрашивал о дорогах. Я карту у него видел, а на ней названия деревень. Вот я и мыслю о том, куда мы можем идти.

— А о том, что надо язык держать за зубами, товарищ Шукин, вы не знаете? Что кру-

гом шпионы могут быть, знаете? — прошипел в ответ командир огневого взвода, вновь демонстрируя свое начальственное положение и повышенное рвение в исполнение служебных обязанностей.

Не ожидавшие такой реакции разведчики снова растянулись по дороге, чуть отстав от лейтенанта, теперь уже не от усталости, а специально, чтобы позлить его и заставить в очередной раз выкрикивать им строевые команды.

— Знаю, товарищ лейтенант, — произнес солдат, пряча свое раздражение от неприятного общения.

Разговор оборвался. В воздухе повисла тишина, прерываемая только шумом шагов и дыханием идущих.

— Тогда почему вы решили, что мы отклонились от маршрута, товарищ боец? — вдруг спросил командир огневого взвода, поняв, что напрасно повысил голос на солдата, лично знакомого с начальником штаба полка, и решив, что зря оборвал своей строгостью говорливого сержанта, тем самым настроив его бойцов против себя.

— Дорога, хорошо утоптанная, только что влево уходила, а мы с нее свернули. Судя по всему, все части дивизии, что перед нами шли, по ней следовали, — начал объяснять разведчик, поражая как лейтенанта, так и всех осталь-

ных в строю своей наблюдательностью. — Облачность сейчас низкая, и вот-вот снегопад начнется, причем сильный. Это значит, что маршрут по погоде выбирали, чтоб авиации противника в воздухе не было. Да и снегопад все следы за несколько часов спрячет.

Некоторые из идущих впереди солдат-артиллеристов, услышав слова Егора, стали оборачиваться и смотреть на него, дивясь его прозорливости. Шагающие в арьергарде колонны разведчики снова оживились и начали бросать взгляды на лейтенанта, ожидая увидеть его реакцию. Она последовала почти незамедлительно.

— А с чего вы взяли, что мы свернули? — прозвучал вопрос взводного.

— Полагаю, что мы не успеваем дойти к сроку, — не тратя времени на раздумья, начал отвечать солдат. — Светает. За ночь вся дивизия не успела пройти. Мы замыкаем. Вот нас чуть и уведут в сторону и ведут другой дорогой, чтобы немца с толку сбить. Скоро остановка случится, а потом пойдем, чтобы ночью на месте быть. А тут расстояние, зная местность, прикинуть не сложно. Вот я и предположил.

— Вам бы, красноармеец Щукин, с такими познаниями не солдатом быть. Вам самое место в военном училище, — изрек лейтенант необычно громко, с поворотом головы назад,

к разведчикам, будто пытался реабилитироваться за собственную оплошность в общении с ними, когда, казалось бы, нужно было дать немного послабления смертельно уставшим людям.

Но его попытка завоевать расположение красноармейцев оказалась неудачной. Улыбок на лицах он не увидел. Солдаты просто приняли ответный удар товарища, вовремя доказавшего лейтенанту, что он не единственный в колонне, кто может масштабно мыслить и знать больше, чем остальные.

— Не надо с нами так, товарищ лейтенант, — довольно тихо, чтобы слышно было только им двоим, произнес сержант, вплотную приблизившись к командиру огневого взвода. — У нас в разведке все по-простому. Вы только командуйте. Мы все выполним, не подведем. Только не обижайте нас. Служба наша особенная. Во взводе почти все за линию фронта хоть раз ходили. Тот же Шукин даже к награде был представлен.

Лейтенант в ответ вытянул изумленное лицо и снова обернулся, только теперь уже не для контроля над идущими бойцами, а для того, чтобы понять: не слышит ли кто еще в колонне слов сержанта. На этот раз он решил не проявлять излишнего командного рвения, тем более что его собеседник все время, что они были на марше, был ему опорой и выпол-